

**ЛЮБО СИРЦ
СЕГОДНЯШНИЕ
ПЕРСПЕКТИВЫ
СОВЕТСКОЙ
ЭКОНОМИКИ**

СЕГОДНЯШНИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ СОВЕТСКОЙ ЭКОНОМИКИ

Ljubo Sirc

**THE STATE
OF GORBACHEV'S
SOVIET UNION**

TRANSLATED FROM ENGLISH

**Overseas Publications Interchange Ltd
London 1989**

Любо Сирц

**СЕГОДНЯШНИЕ
ПЕРСПЕКТИВЫ
СОВЕТСКОЙ
ЭКОНОМИКИ**

ПЕРЕВОД С АНГЛИЙСКОГО

**Overseas Publications Interchange Ltd
London 1989**

**Ljubo Sirc: SEGODNIASHNIE PERSPEKTIVY
SOVETSKOI EKONOMIKI**
Translated from English

First Russian edition published in 1989
by Overseas Publications Interchange Ltd
8 Queen Anne's Gardens, London W4 1TU, England

Originally published under the title
"The State of Gorbachev's Soviet Union"
(European Liaison Group, London 1988)

Copyright © Ljubo Sirc, 1988
Copyright © Russian edition
Overseas Publications Interchange Ltd, 1989

All rights reserved

No part of this publication may be reproduced,
in any form or by any means, without permission.

ISBN 1 870128 07 9

Cover design by Andrzej Krauze

Printed in Israel

ЧЕГО ОЖИДАТЬ ОТ ГОРБАЧЕВА?

Добьется ли Горбачев успеха? Потерпит ли он поражение?

И — с большей дозой скептицизма: может ли он попросту оказаться шарлатаном?

Таковы вопросы, которые задают относительно — можно сказать это без преувеличения — самого важного изменения нашего времени, нового типа советского лидера.

Факт исключительной важности, ибо от ответа зависит состояние экономики Советского Союза и других коммунистических стран. Если эта экономика находится в таком неважном положении, как это выглядит, то нет особого простора для шарлатанства того типа, когда толкуют о реформах, чтобы захватить власть, после чего об этих реформах забывают. Кто бы ни стоял у власти, он неизбежно сталкивается с экономикой, не обеспечивающей население товарами, а явно и ощутимо разваливающейся. Экономический развал лежит в корне проблемы и не может быть преодолен с помощью политического манипулирования. Несомненно, коммунисты являлись мастерами политической тактики и стратегии, но их умение в этой области может приносить решающую пользу лишь до тех пор, пока не выявятся их глиняные ноги — неприменимость их экономических догм.

Не будучи шарлатаном, является ли Горбачев последователем Ленина, каковым он себя провозглашает? Он вполне может воображать, что является, но что с этого проку для него или кого-нибудь еще? Падение советской экономики не является исключительной виной Сталина, как мы попытаемся объяснить, — оно обусловлено марксистским экономическим учением, на котором невозможно построить никакую экономическую систему. Некоторые, вероятно, будут ко мне в претензии за то, что я не называю советские экономи-

ческие установления системой, но, по моему мнению, системе, которая не работает и которую явно невозможно заставить работать, вообще нельзя называть системой. Следовательно, если Горбачев действительно считает себя ленинцем, ему вскоре придется оставить это излюбленное верование, если он хочет сдвинуть что-нибудь в Советском Союзе, чего он предположительно хочет.

Однако общее впечатление таково, что Михаил Горбачев — интеллигентный человек, и в качестве такового он наверняка знает, почему советская экономика не работает, и, следовательно, в глубине души не может быть готов к тому, чтобы придерживаться устаревшей доктрины. Тот факт, что он этого не высказывает, может быть обусловлен его ненадежным положением в советской иерархии. Может быть, он должен провозглашать себя ленинцем, чтобы выжить в окружении, где не все так умны, как он сам и его ближайшие помощники, и где в силу этого еще имеются истинные верующие, которые обладают властью и которых необходимо ублажать, если Горбачев хочет остаться у власти и достичь своих целей. Даже от человека доброй воли трудно ожидать, что он станет себя вести как демократ среди твердокаменных коммунистов, хотя он может желать подготовить дорогу для демократии согласно своему собственному разумению.

Если Горбачев является шарлатаном либо истинным ленинцем, он никогда не достигнет того, чего, по своим уверениям, пытается достичь, и тогда кто-нибудь другой должен будет прийти, чтобы превратить то, что мы нынче называем Советским Союзом, в несколько лучшее место. Однако, говорят другие, Горбачев никогда не сможет преуспеть в своих планах, поскольку в России он не найдет необходимой поддержки среди населения, самым подходящим названием для которого является куча бездельников или, если пользоваться более вежливым русским определением, нация, состоящая из Обломовых. И дело не только в том, что русские в любом случае обладают такой склонностью, — они претерпели дальнейшее разложение и деморализацию за 70 лет коммунистического правления. Уместно ли проявлять такой пес-

символизм относительно природы некоего народа? Ответ принципиально отрицательный, поскольку иначе мы приближаемся к расизму, чего, на базе исторического опыта, следует избегать.

Ведь до того, как русских постигла большевистская революция, они быстро продвигались вперед как в экономическом, так и в политическом плане. Такой взгляд может не являться признанным, но признанный взгляд находится под сильным влиянием коммунистической пропаганды, которая пыталась представить докоммунистический царский режим в мрачном свете, чтобы на этом фоне могли ярче сиять собственные "достижения" коммунистов. Кроме того, русские — не первая нация, которую объявляют находящейся в безнадежном экономическом положении. Итальянцы числились никчемными бездельниками, способными лишь на "блаженное ничегонеделание", однако все мы знаем, чего они достигли. Даже японцев обычно характеризовали как чистой воды *имитаторов* высшей европейской технологии и организации.

Однако иные — и некоторые из них как-то совмещают это с утверждением, что русские Обломовы неспособны на экономический успех, — опасаются, что успешная реформа в Советском Союзе сделает эту страну более угрожающей, агрессивной, чем когда бы то ни было. Самая успешная реформа не превратит Россию за одну прекрасную ночь в процветающую и высокопроизводительную страну — русские и другие народы, захваченные в орбиту СССР, должны будут тяжело работать в течение десятилетий, чтобы устранить весь ущерб, причиненный ленинско-сталинской не-системой и начать тягаться с передовыми нациями. По всей вероятности, это окажет смягчающее воздействие на их агрессивность, которая, независимо от своей природы, должна была раздуваться "торжествующим" коммунизмом. Кто стал бы ввязываться в дела Кубы или Анголы в нормальной националистической России?

Каких бы позиций ни ожидать от России, все прогнозы останутся не более чем вероятностью. В силу этого от западного мира и восточных диссидентов-демократов потребу-

ется постоянная бдительность и готовность, пока не станет ясно, что произошли глубокие изменения не только в Горбачеве, но и во всем Центральном Комитете, или, еще лучше, что Центральный Комитет уже не правит и существует плюрализм власти. Однако эта бдительность не должна мешать нам желать лучшей жизни для народов, входящих в Советский Союз, что, по всей вероятности, может способствовать лишь их смягчению. Одним из вариантов этой темы является страх перед тем, что после успешной реформы Россия станет тяжеловесом на ринге международной торговли, вроде Западной Германии или Японии, и тем самым станет угрозой мировому экономическому равновесию.

Один журналист, сотрудничающий в "Уолл-стрит джурнал", заявил после того, как он посетил Советский Союз и увидел тамошний человеческий потенциал, что было бы лучше, если бы Россия осталась коммунистической. Это опасение явно противоречит общепринятой теории международной торговли, согласно которой эта торговля выгодна для всех участников при условии, что они регулируют соответствующим образом структуру своего производства, что, разумеется, может оказаться весьма непростым. Кроме того, в настоящее время рановато сравнивать русскую экономику с экономикой ФРГ или Японии. Ведь немцы и японцы лишь потерпели поражение в войне и смогли скоро оправиться, в то время как советская экономика год за годом систематически искажалась и ныне насыщена проблемами куда более серьезными, чем просто разруха.

Итак. Горбачев не оставит марксизм-ленинизм со всеми вытекающими из него последствиями, его правление останется неэффективным, и он достигнет немногого или, возможно, не достигнет вообще ничего. Этот вывод можно сделать из анализа как причин советских неурядиц, так и средств, требующихся для выправления сильно пострадавшей экономики. Известны ли эти факты Горбачеву и его соратникам? Будучи умными и опытными людьми, они, предположительно, смутно чувствуют, что в советской экономике — непорядок. Однако сомнительно, чтобы они полностью понимали, что их

постигло и как далеко они должны зайти, чтобы выправить положение. Представляется, что перед всеми людьми доброй воли, обладающими достаточными знаниями, стоит задача помочь им в обсуждении дальнейших мероприятий.

ПЕРВОПРИЧИНА ПРОБЛЕМ КОММУНИСТИЧЕСКОГО РЕЖИМА

Возможно, что 20-й век в конечном счете станут называть веком устаревших иллюзий, которые заставили своих приверженцев пролить много невинной крови. Почему дело обстоит так в тот период, который мы все рассматриваем как эпоху просвещения и научного рационализма? Проблема заключается в том, что люди слишком легко перенесли престиж естественных наук, которые действительно совершили триумфальное шествие за последние двести лет и изменили окружающий мир, на социальную науку, не понимая, что это совсем иной предмет.

По-видимому, ввиду сложности человеческих существ и их взаимоотношений реорганизовать человеческое общество не так легко, как построить даже самые сложные машины. Однако идея планирования в приложении к человеческому обществу, особенно к его экономической жизни, была заимствована непосредственно у технологии и пересажена в человеческое общество — не даром толковали о человеческой инженерии.

Претензия на изменение отношений между людьми предполагает нечто большее, чем физическую схему, особенно если учесть правдоподобность утверждения, согласно которому человеческие действия имеют непредсказуемые последствия. Однако, по крайней мере, необходимо правильно понимать тот процесс, который собираешься изменить.

Тем не менее, когда Маркс формулировал свои экономические теории, которые позже были взяты за основу для попыток человеческой инженерии в гигантском масштабе, уровень понимания экономических отношений был еще весь-

ма низким. Хотя Адам Смит в своем "Благосостоянии наций" дал картину экономической деятельности с массой неожиданных для его времени прозрений, некоторые из ключевых проблем оставались загадкой даже для него.

Хотя Смит с энтузиазмом воспевал "невидимую руку", способность экономических отношений к координированию без всяких сознательных усилий, он не понимал, как осуществляется "невидимая" координация. Соответственно, его теория стоимости еще примитивно базировалась на "содержании труда" в товарах, вместо того, чтобы ввести новые идеи, согласно которым цена, определяемая спросом и предложением, является главным элементом экономической координации, элементом, объясняющим, почему в рыночной экономике различные производственные линии стыкуются друг с другом, способствуя производству товаров, пользующихся спросом населения.

Маркс, будучи посредственностью, уцепился за примитивную сторону учений Адама Смита и Рикардо. Основываясь на том положении, что стоимость товаров определяется трудом, затраченным на их производство, он заявил, что только труд является производительным и поэтому плата кому бы то ни было, кроме физического производителя, фактически является эксплуатацией, несправедливостью, в борьбе с которой в классовых войнах должен объединиться весь мир.

"Науке" Маркса удалось превратить предпринимателей, людей, которые, улучшая организацию и технологию экономического производства, одновременно улучшали участь рабочих, в "воплощенных дьяволов", преступников. По крайней мере, так они выглядели в глазах массы, хотя сам Маркс мог иметь более тонкие суждения. Согласно ему, *буржуазия* добилась огромных экономических достижений, значительно усовершенствовала "производительные силы", но пришел ее час уйти со сцены.

Этот час пришел потому, что великий ученый Маркс вместо того, чтобы держаться фактов, как это принято в науке, занялся исторической спекуляцией и провозгласил свою спекуляцию научным прогнозом будущего. Одной из проблем

экономистов в 18-м и 19-м веках было различить стадии экономического развития, и это не удивительно, поскольку переход от феодализма, базирующегося на низкопроизводительном сельском хозяйстве и, следовательно, самодостаточности большей части населения, к капитализму, движущей силой которого являются растущая производительность, специализация труда и соответственно расширяющиеся торговые обмены, происходил на глазах.

Однако в то время, как ученые, исследовавшие экономические стадии, в целом не претендовали на то, что их схемы раскрывают будущее, Маркс перепрыгнул к выводам. Поскольку двигателем, стоящим за развитием человеческого общества, была классовая борьба, Маркс не сомневался в том, что экономика, которую до сих пор двигали вперед предприниматели, будет функционировать даже лучше и расти быстрее, если этих самых предпринимателей упразднить и заменить коллективами. Конечной точкой на этой линии Марксова мышления (может быть, следовало бы сказать — Марксовой глупости) является Ленин, который провозгласил, что каждый, кто знает четыре действия арифметики, может управлять предприятием и должен получать не больше квалифицированного рабочего. В то время как экономисты, наделенные каким-то здравым смыслом, отбрасывали эти положения отживших доктрин, которые Маркс сделал центральными пунктами своих увещеваний, политическое движение росло, как вокруг ядер коагуляции, именно вокруг этих марксистских догматов, которые явно являются весьма привлекательными для очень многих людей, не любящих тех, кто обладает специфическими способностями и большой экономической властью, какими бы изобретательными и полезными для всех ни были эти лица. Избавление от людей, которым принадлежала заслуга экономического развития в 19-м и начале 20-го века, стало широко принятым лозунгом.

Воображение работало на полный ход: устранение предпринимателей не только улучшит экономическое положение всех, кроме самых богатых; оно приведет также и к искоре-

нению всех зол — преступности, проституции, даже войны. Все это выдавалось за "чистую науку" и стало конечной истиной (находящейся в полном противоречии с непрерывным научным поиском, направленным на развенчание старых теорий), священным делом — настолько священным, что служба ему оправдывала все. Так провозгласил Ленин.

Люди, которые были достаточно глупы, чтобы поверить в то, что человеку дано достичь конечной истины, особенно в экономических делах, презирали всех, кто был более осторожен, и относили их к врагам народа. Никакой демократии для этих отщепенцев! Или, точнее, демократии был придан новый смысл: это слово в устах поборников принятой доктрины означало не правление сменяющегося правительства, избранного большинством, а их собственное правление на веки веков. Так это и должно было быть — ведь они знали конечную истину.

Однако что же в точности должно было произойти, когда придет день освобождения (еще одно слово, которое изменило свой смысл) и коммунистические вожди, ведающие конечную истину, возьмут власть? Никто толком не знал, ибо, согласно Марксу, такой прогноз был бы ненаучным. Народные массы должны захватить власть, а там посмотрим. Под "народными массами", конечно, подразумевалась коммунистическая партия, та часть масс, которая знает истину, а иногда это означало тайную полицию. Проблема заключалась в том, что ни один коммунист, включая Ленина, не имел сколько-нибудь четкого представления, как достичь того земного рая, который все они обещали.

ПОСТРОЕНИЕ СОЦИАЛИЗМА

Когда Ленин, широко применяя хитрость и насилие, захватил власть, он вначале разрешил пускать в ход все различные социалистические и коммунистические предрассудки; это вызвало такой хаос в период военного коммунизма, что он был вынужден отступить на один шаг, готовясь позже сде-

лать два шага вперед. Этим шагом назад явилось введение некоторых элементов капиталистической экономики. Последняя сработала и восстановила какое-то подобие жизненных условий на территории, которая к тому времени стала Советским Союзом. Ленин умер, и бразды правления перешли к Сталину, но это не означает, что Ленин не применил бы тех же экономических "методов", что и Сталин, останься он в живых.

Так или иначе, Сталин уничтожил остатки новой экономической политики и ввел социалистическую экономическую "систему", которая была бы смехотворной, если бы не стоила стольких человеческих жизней и страданий. Она опиралась на три столпа, как-то выведенных из Марксовой науки: уничтожение частной собственности на средства производства, экономическое планирование и преобладание выпуска средств производства над производством товаров широкого потребления.

Оказалось, что экспроприировать собственность крупных богачей было делом нетрудным; проблемы начались, когда большевистские власти решили коллективизировать сельское хозяйство и ликвидировать преуспевающих фермеров, которые начали свой путь к благосостоянию после отмены крепостного права и проведения других реформ царского правительства. Повторяя свои предостережения против "мелкобуржуазной" опасности, новые власти безжалостно уничтожили этих людей, большей частью вместе с семьями. Частные хозяйства среднего размера, начавшие укореняться с окончанием русского феодализма, были заменены государственными и насильно навязанными кооперативными формами. С исчезновением всякой мотивации для добросовестной работы на земле началась эра нехваток и даже голода, а также импорта пищевых продуктов. Время от времени крестьянам разрешали возделывать их маленькие частные участки по собственному усмотрению, что и стало главным источником обеспечения населения пищевыми продуктами.

Как указывалось выше, партии было гораздо легче экс-

проприировать крупные заводы и, разумеется, продолжать производство, в основном восстановленное во время нэпа. Что касается снабжения, новые пролетарские директора могли обращаться к старым поставщикам — фабрикам, ныне управляемым их товарищами.

Но что же дальше? Маркс уже осудил рынки как хаотические и выразил свое одобрение "сознательным решениям". Цены на некоторой стадии были заморожены и оставались необходимыми только для целей учета (невозможно складывать "стулья" и "столы", если у них нет цен), но, безусловно, не для ориентировки производства, поскольку это попало бы хаотическими рынками.

При отсутствии рынков, единственным оставшимся методом было правило большого пальца идеологии. Высшие органы партии решали резко ускорить рост производства станков, а затем планирующая комиссия пыталась установить, какие другие отрасли должны повысить выпуск продукции, чтобы обеспечить машиностроительную промышленность. Это согласование оказалось головокружительной задачей, поскольку выяснилось, что экономические связи являются гораздо более сложными, чем могло присниться идеологам. Обнаружилось, что экономика такого масштаба, как советская, производит примерно 10 миллионов различных изделий, выпуск которых должен координироваться. Координация производилась, так сказать, вручную, с помощью так называемых материальных балансов, длинных списков продуктов на входе и на выходе, вещей, которые заводы выпускают, и полуфабрикатов и сырья, которые им требуются для функционирования. Это было таким трудоемким делом даже при неточных расчетах, что ходили многочисленные шутки насчет того, как в будущем на какой-то стадии разведется так много планировщиков, что некому будет производить.

Появились и другие трудности: каждый, кто планирует выпуск, должен знать, каковы его возможности, какова производительность заводов. Однако нет способа выяснить с какой-либо приемлемой точностью, что способны произвести

заводы, — существует человеческий фактор: те же люди, работая на том же оборудовании, могут произвести существенно больше, если у них будет должная мотивация, особенно если они получают соответствующие поощрения. Как это может предусмотреть планирование? Оценивая производительность предприятий, планировщики фактически полагаются на их руководство, что постоянно приводит к неясности, если не к прямому обману.

Более того, если плановые организации составляют совокупность определенных планов, нелегко довести до сведения тех, кто руководит заводами, что именно от них требуют производить. Планировщикам придется заниматься мелкими техническими подробностями, иначе заводы станут выпускать то, что для них является самым простым. Это относится и к качеству — постоянной проблеме в коммунистических экономиках.

Это краткое описание коммунистического планирования содержит достаточно проблем, хотя мы еще и не упоминали о вопросе *оптума*, который на экономическом жаргоне называется эффективностью ассигнований. Вопрос об оптимальном варианте был поднят русским математиком-экономистом Канторовичем в его работе "Наилучшее использование экономических ресурсов", написанной в 1942 году и опубликованной значительно позже. Она представляет русский вариант линейного программирования, который служит математической иллюстрацией функционирования рынков или, скорей, равновесной конечной стадии их функционирования, которая наступила бы, если бы не постоянное возмущающее влияние прогресса технологии и изменений в человеческом факторе. Канторович, — который позднее получил Нобелевскую премию по экономике, — утверждал, что принятие его подхода позволило бы увеличить объем советского производства на 50 процентов без всякого повышения затрачиваемых человеческих усилий или материальных ресурсов.

Оглядываясь на советскую экономическую "систему", использовавшуюся в последние 60 лет, нельзя не удивиться

тому, что какой бы ни было серьезный экономист все-таки мог ожидать, что эта "система" будет работать. Ее вообще не следует называть системой, ибо при подобном устройстве нет — и не может быть — ответов на основные экономические вопросы. Иными словами, в ней нет критериев, которыми могли бы руководствоваться экономические деятели для принятия решений. Те, кто принимают решения, должны в ней действовать в соответствии с правилами "указующего перста" начальства, не слишком-то удовлетворительными в ситуации, при которой миллионы действий приходится координировать вследствие непрерывно меняющихся обстоятельств.

Ретроспективно анализируя применение советского метода планирования, следует удивляться лишь тому, что оно вообще как-то работало. Это — абсурд! На экономистах нашего мира, особенно на тех, кто специализировался по коммунистической экономике, лежит тяжелая ответственность. В то время, как экономисты коммунистических стран рисковали очень многим — иногда жизнью, — осмеливаясь критически оценивать свою "систему", экономисты свободного мира демонстрировали либо трудновообразимую доверчивость, либо просто трусость, мешавшую им выступить против общепринятых взглядов. У них не вызывала жалости и участь населения коммунистических стран, хотя они могли легко обнаружить неувязки и нехватки в столь хваленой ими советской "системе", стоило им только проявить интеллектуальную честность в своей собственной области знаний.

ПОСЛЕДСТВИЯ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ХАЛТУРЫ

В настоящее время как на Востоке, так и на Западе считается общепринятым, что все страны, которые были вынуждены принять "систему", введенную Сталиным в Советском Союзе, в итоге пришли к резкому отставанию от аналогичных стран, ее не принявших. Особенно разительным примером является сравнение Чехословакии с Австрией: послед-

няя до Второй мировой войны считалась менее процветающей страной, а теперь она находится в неизмеримо лучшем положении, чем Чехословакия.

Никакие цифры, однако, не могут реально подтвердить этот разрыв. Согласно некоторым статистическим оценкам, соотношение между валовым национальным продуктом на душу населения в США и СССР составляло 3,3 : 1 в 1950-м и 2 : 1 в 1980 годах. Иными словами, Советский Союз в этот период как бы подтягивался к США. Но так ли это? Откуда же берется нынешняя атмосфера кризиса в коммунистических странах, если бы подобное сокращение отставания было бы реальным?

Дело в том, что не существует объективной меры для совокупных экономических показателей, по той простой причине, что для любого складывания различных товаров — а это и есть их "совокупность" — требуется знать цены, а эти цены являются, в свою очередь, результатом многих объективных и субъективных факторов. Можно высчитать стоимость продукции в любой стране, если известно ее количество и уровень цен в другой стране, но остается проблема качества товаров, проблема общедоступности и т. д. Короче говоря, любой ценностный индекс представляет собой лишь весьма грубое приближение, и пользоваться им нужно с осторожностью.

Более того. Сталинское планирование настаивало на приоритете выпуска средств производства над выпуском товаров широкого потребления. При нормальном порядке вещей выпуск средств производства ориентируют лишь так, чтобы увеличивался выпуск потребительских товаров, и спрос на "товары для производителей" рассматривается только как вторичный (или производный) спрос. Но совсем не так обстоит дело в коммунистических странах. Там выпуск средств производства подгоняют в надежде, что на какой-то стадии он сам автоматически приведет к росту производства ширпотреба. Вследствие этого большую роль приобретают капиталовложения: в коммунистических странах их доля в валовых затратах составляет 30 процентов по сравнению с

15 процентами в капиталистических странах. Это явилось бы большим преимуществом, если бы благосостояние зависело именно от роста капиталовложений, а не от того, как эти вложения реально используются. Ведь при известных обстоятельствах меньшее капиталовложение может дать иногда лучшие результаты. Иными словами, показатели роста экономики в капиталистических странах в целом не хуже, чем в коммунистических, несмотря на большие капиталовложения в последних!

В результате граждане коммунистических стран потребляют меньше товаров при одинаковом с капиталистическими странами уровне выпуска продукции. Если принять за исходное условие, что в некоей группе стран капиталовложения составляют 15 процентов, а общественное потребление — также 15 процентов, то личное потребление там составит 70 процентов выпуска продукции. Если же вместо 15 процентов инвестируется 30 процентов, то на личное потребление остается лишь 55 процентов, что означает: при том же уровне выпуска товаров народ потребит их на 20 процентов меньше. Это имело бы смысл только в том случае, если бы результатом более обширных капиталовложений явилась бы большая и скорость прироста и, следовательно, повышение потребления в будущем...

Куда же идет разница в капиталовложениях? Частично она превращается в "неиспользованные мощности": проекты, связанные с капиталовложениями, завершаются, но не реализуются, либо же реализуются частично, так что процент их использования намного ниже нормального. Это случается потому, что плановикам не удается согласовать действия в различных секторах производства и продукция какого-то завода не имеет спроса, либо этот завод вообще не в состоянии производить запланированную продукцию, так как не может получить необходимых ему поставок промежуточных полуфабрикатов или сырья.

Разумеется, даже если завод выпускает продукцию, то его производительность тоже может оказаться ниже нормально ожидавшейся. Словом, нелегко оценить, какова будет

производительность запланированного предприятия в условиях отсутствия конкуренции.

В некоторых случаях средства производства вообще не используются для, скажем, строительства завода, а их просто оставляют на складах как "излишки". Фактически это может случиться с любым видом товаров вследствие плохой координации экономических связей, плохого качества и т. п. Можно слышать и разговоры о товарах, которые невозможно продать. Похоже, что около 10 процентов выпускаемой продукции из года в год идет на увеличение складских инвентарных списков, в то время как в капиталистических странах речь может идти об аналогичном увеличении или уменьшении их на 1 — 2 процента.

Все эти потери составляют ощутимую часть от выпуска товаров, но на этом дело еще не кончается. Маркс проводил различие между производительной и непроизводительной деятельностью: первой занимаются те, кто производит материальные блага, второй — те, кто ничего не производит, а фактически занят лишь обслуживанием населения. В соответствии с этим догматом его последователи проявляют тенденцию пренебрегать сферой обслуживания, в особенности распределением товаров — в противоположность их производству. По-видимому, они не понимают, что доставка продукта в нужное место и в нужный момент времени не менее важна, чем само его производство. Так называемая "торговая сеть" очень плохо обслуживает население коммунистических стран и тем еще усугубляет реально имеющиеся нехватки.

Самой обескураживающей чертой советской экономики является то, что ее "рассогласованность" все более и более возрастает. Эта тенденция к ухудшению, однако, лежит в природе вещей — экономика работает, пока существует старый фундамент, но проявляет все более опасные признаки неустойчивости, когда новые элементы, введенные в ее структуру, начинают играть более видную роль, а сложность межотраслевых связей все возрастает. Вероятно, это является причиной того, что в течение последних 20 лет показатели роста экономики в коммунистических странах падали. Эти

показатели в некоординированной экономике вообще-то мало что значат, но их падение указывает, что даже формальное увеличение выпуска продукции становится в этих странах все более трудной задачей.

ЧТО ДЕЛАЕТ ГОРБАЧЕВ?

То, что у руля партии и государства оказался сравнительно молодой человек, явилось как бы приятным сюрпризом, но вначале ничего особенного в СССР не происходило. Шумиха и меры, принятые для укрепления трудовой дисциплины, для искоренения коррупции, вряд ли могли вызвать серьезные изменения, поскольку эти явления представляют собой скорей последствия бессистемности советской экономики, чем причины проблем. Это же соображение относилось и к кампании по ограничению продажи и, соответственно, потребления алкоголя.

Затем, в 1987 году, появляются уже и существенные изменения. Новыми девизами становятся *гласность* и *перестройка* — понятия, явившиеся также темами книги Горбачева, адресованной мировой общественности. Утверждение о необходимости избавиться от наследия Сталина послужило основой для значительно более свободного обдумывания экономических и политических вопросов, как в Советском Союзе, так и во многих частях Восточной Европы. Стало возможным говорить о фиктивных цифрах роста, которыми так гордились коммунисты, о роли Советского Союза в развязывании холодной войны и о прочих, прежде запретных темах.

Изменилась манера поведения советских официальных и полуофициальных представителей — они теперь не вели себя как роботы, лишь повторяя фразы из речей своих вождей, а воспринимались как люди, имеющие собственное мнение по разным вопросам. По-видимому, рядовым советским гражданам, не выполняющим официальную миссию, пока что выехать в Западную Европу нелегко, но и такое положение мо-

жет со временем измениться, как мы это наблюдали в Югославии, Венгрии и Польше*.

Советские собеседники пока что не выдвигают смелых идей, как то делают жители некоторых других стран Восточной Европы, и похоже, что главное сражение все еще происходит между догматиками и сторонниками Горбачева. Общее же направление доводов, выдвигаемых последними, таково: сталинская система не работает, она вывела из равновесия советскую экономику, но положение нельзя исправить быстро — требуется время. Пока что следует поощрять все виды мелких кооперативов и частных предприятий, чтобы увеличить выпуск товаров, пользующихся наибольшим спросом у населения. Партия безоговорочно должна оставаться у власти, но на более низком уровне необходимо поощрять демократические тенденции.

Советские эксперты прекрасно знают, что Югославия и Венгрия уже шли по подобному пути и встретились со значительными трудностями. Они изучают опыт этих двух стран и надеются, что смогут избежать ловушек, в которые те попали. Однако маловероятно, что им удастся найти выход на этом пути, поскольку им мешают те же самые идеологические препоны, которые стояли перед их предшественниками по реформам.

В пользу Горбачева говорит то, что он и его помощники, по крайней мере, пытаются открыть дорогу критике и свободной дискуссии, отказавшись от предшествующей политики бескомпромиссной враждебности по отношению к диссидентам и эмигрантам. Андрей Сахаров был возвращен из своей горьковской ссылки. В марте 1988 года русские литераторы-эмигранты впервые беспрепятственно встретились в Дании со своими московскими коллегами. Через несколько недель группа советских экономистов присутствовала

* Впрочем, в последние годы социальная ситуация в СССР изменилась. Демократические реформы Горбачева приоткрыли государственные границы, и десятки тысяч советских людей устремились на Запад.

на конференции, состоявшейся в венгерском городе Гиоре и посвященной альтернативным моделям социалистической системы, а ведь принимали в ней участие эмигранты, покинувшие Чехословакию в 1968-м, а также русский экономист Игорь Бирман, в настоящее время живущий в Вашингтоне (недавно он впервые вновь посетил Советский Союз). Пригласили и самого Ота Шика, считавшегося символом чехословацкого реформизма. Это приглашение, правда, пришлось потом отменить, так как пражское правительство пригрозило не пустить на конференцию ни одного своего экономиста, но доклад Ота Шика все-таки был прочитан.

Тот, кто посетил другую экономическую конференцию, состоявшуюся в октябре 1988 года в Шопроне и посвященную радикальной реформе Комэкона, мог слышать, как более молодые из ее русских участников критикуют присутствующих тут же собственных бюрократов за их жаргон, не несущий никакой информации; там присутствовали и четыре чеха (впервые за 20 лет выехавших за пределы Чехословакии), подвергавших критике молодых русских за то, что те не мыслят в категориях рынка, был и венгр, жаловавшийся, что Москва недостаточно серьезно относится к реформе Комэкона, а также два эстонца, выразивших желание своей страны иметь больше автономии. Все это завершилось заявлением местных властей насчет того, что район Шопрона станет впредь бесплошной зоной. Организаторы конференции пригласили участвовать в ее работе двух южнокорейцев, имея в виду именно эти новые возможности развития.

Все это выглядит пока хоть и весьма обнадеживающим, но безусловно недостаточным. Проникнется ли Горбачев убеждением, что ему необходимо перейти идеологические пределы, которые помешали некогда Югославии и Венгрии решительно изменить свою судьбу?

Если советы некоторых западных специалистов и наблюдателей будут услышаны коммунистами, то может пройти еще много времени, пока коммунистические страны достигнут наконец берегов лучшей материальной жизни. Ибо в Гиоре кое-кто из участников западных стран выступил с пре-

достережениями насчет отрицательных последствий, которых следует ожидать в случае, если экономика Советского Союза и Восточной Европы станет подражать капиталистическим странам. Ничего не скажу; последствия вполне могут быть весьма отрицательными — когда жители восточного блока смогут наконец есть досыта и делать покупки, не стоя в очередях!

Поговаривают, что организуется еще несколько симпозиумов с целью обсудить, какие части "базовой теории" нужно применять в коммунистических странах, но, похоже, организаторам этих конференций просто неизвестно, что экономическая теория отнюдь не вершит судьбами капиталистической экономической практики, особенно если учесть, что теория и на Западе в основном статична, а практика динамична. Здесь практика не должна следовать за теорией — практика развивалась спонтанно, а теория и до сих пор безнадежно отстает в своих попытках точно описать, как все это работает.

В коммунистических странах дело обстоит наоборот. Теория используется конструктивным образом, пытаясь изменить практику, а не описывать ее. Но даже и наилучшая теория может быть несовершенной и тем повредить практике, а ведь марксизм — это отнюдь не наилучшая теория, если он вообще таковой является. По этой-то причине коммунистические страны теперь загнаны в нищету...

Принять капиталистическую практику и сравняться с Австрией, если не с Швейцарией, — это будет отнюдь не самой худшей участью коммунистических стран. Вот когда они достигнут всего этого, тогда и смогут начать беспокоиться о тонкостях и недостатках, которым уделяют сегодня такое внимание многие эксперты, наслаждающиеся западным уровнем жизни и пишущие о коммунистической экономике.

ЧТО СЛЕДОВАЛО БЫ ДЕЛАТЬ ГОРБАЧЕВУ?

До сих пор советская экономика тащилась по своему пути, не располагая никакими критериями, которые подска-

зали бы руководящим ею людям, что и как надо делать. Пока такое положение продолжается, нет базы для радикального улучшения ее функционирования. Разумеется, можно сделать больший упор на производство товаров широкого потребления, можно вызвать к жизни больше мелких предприятий, которые будут производить то, чего люди действительно хотят, но подобное изменение уведет экономику не слишком далеко.

Экономике коммунистических стран в конце концов необходимо будет дать какую-то твердую опору; но эту опору нельзя создать, не введя реальную экономическую систему. Единственной реальной системой является рынок, и ему следует разрешить действовать, что само собой подразумевает и рынок товаров, и рынки рабочей силы, капитала, земли. Без всех этих рынков невозможно применить к предприятиям проверочные тесты, заключающиеся в сравнении цены их продуктов с их производственными расходами. Невозможно и отыскать правильную комбинацию факторов производства, что является ключевым требованием в его управлении.

Последователи Горбачева, по-видимому, считают, что в этом деле надо двигаться медленно. В Шопроне один молодой русский ученый толковал о необходимости перебалансировать экономику прежде, чем можно будет серьезно задействовать рынки. Он утверждал, что перебалансировка должна осуществиться в результате запланированного сверху действия. Присутствовавший чех напомнил ему, что не стоит полагаться на планы, которые явились главным виновником искажений в экономике, и потому следует отказаться от апелляции к планам и рассмотреть вариант немедленного применения рынков. Чех заявил так: "Вместо перебалансирования вам следовало бы выбрать равновесие". Второй термин явно подразумевает оптимальное решение, получаемое в экономике через рынки.

Действительно, нам представляется сомнительным, что задачу можно решить с помощью чего-либо иного, кроме полного переключения хозяйства на рынки. Вряд ли можно исправить ошибки планирования, продолжая планировать.

Новое планирование может быть лучше обдуманно, но ни в коем случае оно не сможет обеспечить приемлемую гармонию между отраслями, ибо не располагает для этой цели никакими критериями или мериллами.

Все это указывает на необходимость лечения радикального. Рынки должны быть введены сразу, необходимо провести и финансовую реформу с целью обеспечения финансовой дисциплины. После этого предприятия должны быть предоставлены своей участи – то есть выплыть или утонуть. Несомненно, такая перспектива вызовет мурашки по коже, но как еще можно отрегулировать сложившееся положение?

Вероятно, переход от нынешней не-системы к рынкам будет облегчен предоставлением правительственных субсидий тем предприятиям, которые не смогут свести концы с концами при новом положении дел, но нельзя допустить, чтобы такие субсидии продолжались постоянно. Почти неизбежно возникновение значительной безработицы, и правительство должно предусмотреть соответствующие меры. Дело в том, что в Советском Союзе и других коммунистических странах полная занятость населения является фикцией, поэтому те, кто числится работающими, ничего не делая, должны быть уволены. Кроме того, на рынке труда появятся и рабочие, чьи заводы закрылись из-за неэффективности.

Лучший способ предусмотреть решение этих проблем, вызванных переходом к более жестким деловым условиям, вернее, единственный способ, который может привести к лучшему функционированию, это – ускорить такой переход и широко распахнуть двери перед новым предпринимательством. Кооперативы, частные фирмы, советы директоров, берущие подряды на уже существующие предприятия, – все это и многое другое должно быть приведено в действие, чтобы трудоустроить массы безработных.

Перед предпринимателями стоят две задачи: первая – вступить во владение (по цене, соответствующей потенциальной прибыли) существующими заводами и приспособить их наилучшим образом к новой ситуации; вторая – развить новые производственные предприятия, что даже более важ-

но, поскольку повышение эффективности будет, прежде всего, зависеть именно от новых капиталовложений.

Новые капиталовложения явятся ключевым пунктом, который одновременно объяснит, почему в прошлом не могла работать коммунистическая экономика, и определит, где именно искать необходимое лекарство для этой больной экономики. Хозяйственная деятельность и, в частности, решающая роль капиталовложений реализуются в условиях неопределенности: никто не может наверняка знать, что случится в ближайшие 10 лет или около того, когда последствия решений об инвестициях повлияют на жизнеспособность предприятия. Вследствие меняющихся условий, особенно колебаний спроса и изменений технологии, только люди, обладающие глубоким пониманием общих экономических условий и деталей данной отрасли производства, не говоря о некоем предпринимательском чутье, — только они могут обоснованно предвидеть то, что с наибольшей вероятностью произойдет в обозримом будущем. Они также должны захотеть действовать на основе своего понимания будущего — захотеть, рискуя ошибиться. Представляется очевидным, что принятие решений, связанных с риском, может быть осуществлено только отдельными людьми или небольшими группами, так, чтобы можно было четко определить ответственное за данное решение лицо.

Власти или коллективы действовать подобным образом не могут — их состав все время меняется, а коллективы вдобавок не могут пустить в ход новые предприятия, поскольку рабочий коллектив не существует, пока данное предприятие не организовано. Кроме того, вложенный капитал должен иметь тесную связь (право собственности) с теми, кто принимает решения, иначе на этих людей нельзя оказывать достаточного давления, заставляющего их использовать капитал наилучшим образом. Экономически наилучший способ использовать капитал — это вложить его туда, где он принесет наибольшую прибыль, а не туда, где он обеспечит что-либо иное, например, большое возрастание производительности труда. Если капитал используется для последней цели,

то в хозяйстве не осуществится равномерное его распределение, а это вызывает безработицу.

Именно опыт коммунистических стран показал, что наилучших решений по поводу капиталовложений следует ждать от людей, которые либо владеют капиталом, либо были выбраны для управления производством его владельцами. Это, разумеется, означает, что такие люди потеряют весь капитал или часть его, если их решения окажутся ошибочными и капиталовложения принесут убытки.

Фирмы, управляемые рабочими, в принципе возможны (если не забывать о трудностях, связанных с коллективным принятием решения), но в этой ситуации возникает проблема ответственности, то есть — за чей, собственно, счет относить прибыли и убытки. Прибылям-то всегда все рады, но как быть с убытками? Они могут оказаться настолько велики, что зарплаты упадут до минимума! Этого ли хотят сторонники рабочего самоуправления?*

* Грандиозная забастовка шахтеров в Советском Союзе летом 1989 года выявила и отразила рост недовольства советского народа его безысходным положением. Вместе с тем вызывает сомнение, что массовые забастовки и различные экономические санкции рабочих приведут к улучшению условий их жизни и труда. Социальная система, которая неспособна эффективно функционировать, не в состоянии решить многообразные социальные противоречия, независимо от характера и размаха профсоюзной борьбы. Советские профсоюзы сталкиваются с той же проблемой, которая существовала у "Солидарности" в Польше до тех пор, пока эта организация выдвигала и отстаивала только экономические требования. Для того, чтобы деятельность "Солидарности" оказалась действенной, она должна была превратиться в политическую организацию, то есть борьба "Солидарности" должна была выйти за рамки только экономических требований. Но даже сегодня, когда представитель "Солидарности" стал премьер-министром Польши, остается неясным, понимают ли в движении "Солидарность", что для реорганизации социальной жизни и улучшения условий труда необходимо введение в стране свободного рынка и частной инициативы. Иначе говоря, важно создание в Польше системы, именуемой капиталистической.

Из сказанного следует вывод, что Горбачеву и его сподвижникам стоило бы разрешить все виды предприятий, обещающие стимулировать предпринимательство, включая частную собственность на средства производства. Однако из этого следует и то, что вначале им придется создать подходящий для предпринимательства климат, а это особенно тяжело в стране, где годами поносились частные предприятия и собственность. Более того, именно эта страна была свидетелем того, как поощрение частного предпринимательства, разрешенное при ленинском нэпе, сменилось его решительным подавлением. Вследствие этого нелегко вызвать достаточный предпринимательский энтузиазм среди русских и других народностей Советского Союза до тех пор, пока коммунистическая партия продолжает пользоваться абсолютной властью. Вводя на практике правление закона, правительства коммунистических стран могут восстановить доверие общества, но полная к ним вера вернется лишь тогда, когда коммунистическая партия станет настоящей партией, то есть одной партией среди многих, контролирующей деятельность друга.

ЧЕМ МОЖЕТ ПОМОЧЬ ЗАПАД?

Что Запад или кто бы то ни было делать не должен, это — заваливать правительство СССР и других коммунистических стран кредитами, чтобы они могли растратить их на бесполезные капиталовложения. Иными словами, никаких денег не нужно давать на капиталовложения, пока не будут введены рынки и предпринимательство. Это представляется суровым требованием, поскольку западные банки, побуждаемые своими правительствами, нетерпеливо становятся в очередь, чтобы предложить свои деньги Горбачеву и его товарищам.

По-видимому, пословицы типа "обжегся на молоке — дуешь на воду" неприменимы в таких случаях. Дело не только в том, что западные банки, которые лезли из кожи, одал-

живая капиталы странам Третьего и Второго миров, вероятно, успели потерять там много денег, а теперь хотят отправить туда же новые капиталы. Банкиры (самые упорные капиталисты, согласно представлениям их коммунистических клиентов) отказываются верить, что коммунистическая не-система не работает и что нельзя вообще заставить работать ее с помощью их денег. Они продлевают нищету населения коммунистических стран, ссужая средствами их правительства и тем самым позволяя им продолжать свое существование; хотя большая часть этих денег растрачивается впустую, но кое-что все-таки остается для смазывания колес администрации, а иногда даже для чуть лучшего удовлетворения потребностей подданных. Одновременно увеличивается и бремя кредитов, лежащих на коммунистических странах, что может лишь мешать тем, кто пытается осуществить настоящие реформы.

Похоже, что некоторые политики проявляют не больше реализма, чем банкиры, при оценке фактического состояния советской и других коммунистических систем. В интервью западногерманскому "Ди цайт" (как сообщает об этом лондонский "Индепендент" от 21.10.88) немецкий министр иностранных дел Ганс-Дитрих Геншер с энтузиазмом расписывал, как западные деньги помогут развить советскую экономику. Нет, они не помогут, если будут даваться без всяких критериев и без реального понимания тяжелого положения, в котором находятся коммунистические страны. Наоборот — западные кредиты, предоставленные радостно и бездумно, только ухудшат дело, оттянув необходимые реформы, возможно, усилят позицию врагов Горбачева среди его наиболее консервативных коллег.

Г-н Геншер провозглашает, что будущее Европы заключается в сотрудничестве и плодотворном соревновании, а не в дестабилизации другой стороны. Однако дело в том, что нет необходимости дестабилизировать советскую сторону, поскольку никто и не может сделать это так основательно, как проделывает она сама, соблюдая собственные дурацкие экономические догмы. Попросту немилосердно позволять

ей оставаться в нынешнем хаосе, не пытаясь объяснить, что именно неверно в ее подходе.

Расточать помощь коммунистической экономике в настоящее время означает, что нынешний энтузиазм начнет иссякать и как раз в тот самый момент, когда эта экономика окажется в состоянии хорошо западную помощь использовать. Этот момент наступит, когда более умные коммунисты наконец отбросят ограничения, наложенные ими на нормальную человеческую деятельность, и дадут полную свободу и рынкам, и человеческой изобретательности в форме предпринимательства. Особенно, если сделают они это, подражая Эрхарду — так сказать, за одну ночь введут финансовую дисциплину и отменят регламентирование экономики одним махом. Вот тогда-то их странам потребуется помощь — и Запад должен быть готов ее предоставить.

Однако даже тогда, когда такой момент наступит, западные банки, предприятия и организации должны будут проявить твердый подход, как в своих собственных интересах, так и в интересах получающих кредиты стран и их населения. Они и далее должны настаивать на соблюдении принципов рыночной экономики и финансовой дисциплины.

Официальная, правительственная помощь должна явиться лишь малой частью в общих усилиях, которые следует сконцентрировать на коммерческих операциях, единственных способных обеспечить курс на большую эффективность. Мировой кризис задолженности уже доказал, что для стран, получающих капитал, оказывается большим преимуществом, если он предоставляется им в форме прямых капиталовложений в экономику, а не ссуд. Если за управление предприятием и выплатами в зарубежной валюте отвечают иностранцы, они же и берут на себя весь риск. В этом случае не может создаться такого положения, что строится огромное предприятие, которое потом не в состоянии сбыть продукцию, и, таким образом, оно ничего не зарабатывает и ему не из чего выплачивать инвестированные деньги, как это происходило до сих пор слишком часто. В конечном счете бремя выплаты долга ложилось на правительство, а через

него — на все население, и вместо того, чтобы выиграть от иностранного капиталовложения, население страны страдало от снижения своего жизненного уровня. Необходимо четко заявить, что для благосостояния населения гораздо лучше, чтобы предприятия находились в руках иностранцев, чем если они будут служить игрушкой в руках самонадеянных местных невежд.

Не приходится сомневаться, что местные предпринимательские таланты появятся во всех коммунистических странах. Присутствие зарубежных предприятий также окажет эффект демонстрации, примера. Следует ожидать, что большая часть капитала, в котором будут нуждаться местные предприятия, поступит из внутренних сбережений, для чего, естественно, потребуются создание банковской системы (включая кредитные кооперативы).

Пока будет существовать нужда в дополнении местных сбережений иностранными поступлениями — а такая нужда будет, — зарубежные банки должны быть частью национальной банковской системы. Это необходимо потому, что ссуды (в том числе зарубежные) пойдут непосредственно местным фирмам, так что кредитор будет разделять риск любой сделки, и он не сможет вернуться к старой практике обращения к правительству, то есть к стране в целом, с требованием выплаты ему долгов. Необходимо также предпринять меры по реорганизации существующих предприятий. Некоторые из них придется закрыть, но значительное число предприятий, особенно крупнейших, предположительно, можно еще спасти, продав их иностранным фирмам, имеющим необходимый организационный и технический опыт — разумеется, по цене, отражающей их потенциал прибыли. Такой шаг не только спасет предприятия, но и обеспечит поступление денег, в которых правительство будет нуждаться, когда оно навяжет стране суровый режим, необходимый в первые годы реформы, прежде чем появятся начальные положительные результаты. Будет неплохо, если окажется возможным предоставить населению лучший выбор потребительских товаров уже в этот первоначальный тяжелый период.

Там, где это возможно, предприятия нужно передавать местным директорам — их могут продавать кооперативам, отдавать в подряд советам директоров, и, разумеется, они могут просто покупаться местными гражданами либо группами лиц, обладающими капиталом или могущими убедить кого-нибудь доверить им таковой.

За всем этим стоит та главная идея, что коммунистические страны должны, наконец, начать производить товары для нужд населения вместо вечного беспокойства по поводу того, кто именно имеет право их производить. Кто бы это ни делал, он может лишь способствовать благосостоянию населения, а это и есть главное.

Нет недостатка в мрачных пророчествах насчет бедственных последствий, которые ожидают коммунистические страны, если они перейдут к рыночной системе. В общем, все эти пророки согласны с тем, что уровень жизни населения повысится, но они же утверждают, что бедные все равно останутся бедными. Разумеется, останутся — если определять бедность как состояние, в котором находится четверть населения с наиболее низким доходом. Все, что можно сказать по этому поводу, это то, что после успешной рыночной реформы "бедные" будут жить гораздо лучше, чем ныне живут зажиточные граждане коммунистических стран.

Высказывают и предостережение, каким, мол, тяжелым станет положение заболевших при отсутствии всеохватывающей системы здравоохранения. Начать с того, что финансирование медицинского обслуживания может быть организовано любым образом, какой только пожелает население (в предположении, что рыночная экономика будет сочетаться с политической демократией). Однако проблема состоит в том, что доходы медицинского персонала, в особенности врачей, должны возрасти в соответствии с общим ростом доходов, а это приведет к удорожанию медицинских услуг, поскольку производительность врачей не может быть увеличена так же, как у тех, кто производит шерстяные носки. Верно, медики сегодня получают в свое распоряжение много новой аппаратуры, но все-таки она не столько увеличивает

количественную производительность их труда, сколько повышает качество их услуг, так что люди живут дольше, но, соответственно, и нуждаются в больших медицинских услугах.

Эта проблема требует особого решения, которое, все-таки, безусловно, должно заключаться не в том, чтобы плохо оплачивать труд врачей и не обеспечивать пациентов даже наиболее срочно требующимися медикаментами, как это сегодня делается в коммунистических странах.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ВЫВОДЫ

Целью настоящей реформы является стимулирование выпуска продуктов, требующихся населению, поощрение тех, кто способен эффективно организовать их производство. Однако поощрения действительны только тогда, когда получающие их лица уверены, что они сохранят результаты своей деятельности.

Иными словами, люди не должны опасаться, что эти результаты будут у них отняты и, может быть, их будут даже наказывать за то, что они эффективно организовали производство и получили от этого соответствующую выгоду, как это бывало в прошлом.

Выразим эту мысль более четко.

До сих пор главной целью коммунистов было подавить предпринимателей. Почему же кто-то в стране или за рубежом должен теперь с готовностью верить им, что они "поменяли масть" и отныне будут восхищаться способными организаторами предприятий с высокими доходами и дадут им существовать? Следовательно, коммунисты не могут более настаивать на монополии на власть. Более того, у них фактически и нет права на такую власть, так как почти все, что они проповедовали десятки лет, оказалось ложным.

Любой истинный коммунистический лидер обязан это видеть и поэтому должен стремиться стать коммунистическим Адольфо Суаресом, человеком, который, будучи по-

следним премьер-министром Франко, взял на себя задачу превратить Испанию в работающую демократию. Мы можем лишь пожелать успеха любому, кто питает подобные намерения.

СОДЕРЖАНИЕ

Чего ожидать от Горбачева?	5
Первопричина проблем коммунистического режима.	9
Построение социализма	12
Последствия коммунистической халтуры	16
Что делает Горбачев?	20
Что следовало бы делать Горбачеву?	23
Чем может помочь Запад?	28
Политические выводы	33